

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В 1917 Г.****

В статье представлена социально-политическая дифференциация населения Поволжья, проявившаяся в избирательных кампаниях 1917 года; выявлены социально-экономические требования рабочих, солдат, крестьян; проанализированы способы воздействия социума на власть в революции.

Ключевые слова: социальная структура населения; экономические требования рабочих, солдат, крестьян; поляризация общественно-политических сил.

Событийная сторона революционного процесса 1917 года как в центре, так и на местах в общих чертах представлена. Однако и отечественные, и зарубежные историки, оперируя макроисторическими явлениями, часто схематизировали и нивелировали политические и социальные действия. Это исключительно осложнило выяснение происхождения русской революции, закономерностей и особенностей ее развития и результатов. Известно, что революции начинаются в столицах, а делаются в провинциях. Специальное изучение региональных модификаций русской революции 1917 года необходимо также в связи с тем, что в историографии длительное время преобладала тенденция единообразия процесса в центре и на местах. Между тем, несмотря на общий результат и последующую унификацию нового общественного строя, именно разнообразие функционирования социально-политических сил в регионах скорректировало первоначальное направление развития революции.

Современные историки, обращаясь к проблеме формирования власти в России после Февральского переворота, по-прежнему упрекают Временное правительство в отрыве от народа и выдвинутых им к жизни общественно-политических структур (см.: *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994; *Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия.* СПб., 1994; Булдаков В.П. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия.* М., 1997; Герасименко Г.А. *Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.).* М., 1992). Революция, перемещаясь из центра в провинцию, выявила большую инициативу различных общественно-политических объединений при формировании новой власти на местах. В связи с этим возникает потребность в выяснении причин конфронтации, а затем и кризиса в демократическом лагере накануне Октября 1917 года. Предметом специального рассмотрения стали вопросы о тактике в борьбе за власть различных политических партий и объединений (см.: *Политические партии в российских революциях в начале XX века* // под ред.

---

* © Кабытова Н.Н., 2012

Кабытова Надежда Николаевна (kabpetr@samsu.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Г.Н. Севостьянова. М., 2005; Старилов С.В. Левые социалисты в Великой российской революции. Йошкар-Ола, 2004; Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001; Сенявский А.С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. СПб., 2008). В силу специфики социально-экономических отношений в стране особое влияние на действия местной власти, в частности в Поволжье, оказывало аграрное движение. В новейшей историографии российской революции 1917 года отечественные и зарубежные историки обратили внимание на необходимость изучения социопсихологических особенностей революционного процесса, выяснения механизма воздействия социума на власть, разработанного в ходе революции (различные аспекты взаимоотношений народа и власти в Поволжье рассматривались в работах: Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995; Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002; Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; Бедкок С. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; Старилов Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб., 2012).

Вопросы функционирования местных органов власти и самоуправления в революционных условиях недостаточно изучены даже с точки зрения накопления фактов. Деятельность Временного правительства и его местной администрации оценивалась однозначно негативно (см.: Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984; Его же. Крах керенщины. М., 1982). Местные советы рабочих и солдатских депутатов часто наделялись теми организационными функциями, которыми они на самом деле не обладали. Роль советов крестьянских депутатов однозначно трактовалась как соглашательская. В то же время попытки Временного правительства наделять органы земского и в перспективе городского самоуправления административной властью на местах мало изучены, но оценивались как соглашательство умеренных социалистов с антинародным режимом. Наконец, «массовое правотворчество», а скорее разрушительные действия рабочих, солдатских и крестьянских организаций, получило в отечественной историографии восторженные оценки. Однако пришедшие к власти большевики вскоре подавили эту народную инициативу, и мотивация их действий требует пристального изучения, если мы хотим извлечь уроки из своего трагического прошлого. Компетенции и функционально-структурные особенности местной власти в 1917 году, ее организационно-исполнительские возможности требуют специального рассмотрения [1, с. 178–180]. Поволжский регион, многонациональный и многоукладный по социально-экономическому развитию, являлся своеобразным примером российской провинциальной ментальности, ярко проявившейся в революционное время. Все коллизии между властью и обществом нашли здесь свое специфическое выражение. Это позволяет прояснить основные черты системного кризиса, вызванного попытками модернизации России по западному образцу.

Демократизация управления в России, начавшаяся с победы Февральской революции 1917 г. в Петрограде, была сложным и противоречивым процессом. Становление администрации происходило в условиях, когда все политические силы, поднятые на гребень революционной волны, стремились упрочить и расширить свои позиции. Временный Комитет Государственной Думы (ВКГД) в судорожных попытках наспех сформировать Временное правительство в центре надеялся, что в провинции молча проглотят все, что испекут для них столичные политики. «Пусть думают, что власть взята Государственной Думой. Они сразу не разберутся, что Государственная Дума

сама по себе не может быть властью — для них это будет звучать... Это звучит в провинции... Они будут верить несколько дней...» [2, с. 194–195]. В губерниях действительно поверили, но действовать начали с учетом местного своеобразия в расстановке общественно-политических сил. Прежде чем центральное руководство «добралось» до системы местной власти, во многих губернских и некоторых уездных городах были созданы общественно-политические комитеты, претендующие на организацию и поддержание порядка. К 5 марта 1917 г., когда Временное правительство приняло первое постановление по местному управлению, общественные комитеты кое-где даже успели назначить своих комиссаров. Стали известны факты арестов губернаторов, жандармских и полицейских чинов. ВКГД вынужден был 5 марта 1917 г. принять решение об освобождении всех лиц местной администрации, «заключенных под стражу во время государственного переворота без ордера соответствующей власти, если к означенным лицам не предъявлено обвинение в совершении преступных деяний» [3. Л. 62].

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти на местах. Однако революционные события в провинции кое-где даже опережали центр. Февралистам (так называли себя члены Временного Комитета Государственной Думы) стало ясно, что старая власть на местах, прежде всего губернаторы, деморализована и фактически отстранена от управления. Впоследствии некоторые деятели Временного правительства осуждали министра-председателя князя Львова за его решение сместить губернаторов «по телеграфу» [4, с. 42], считая эту меру скоропалительной, непродуманной и слишком радикальной. Общий обзор и анализ первых дней революции на местах, наоборот, показывает, что в данном вопросе «мягкотелый и бесхарактерный» [5, с. 38] князь Львов проявил трезвость и политический расчет. Губернаторы были уже вчерашним днем, нужно было срочно найти им адекватную замену в системе власти. Телеграмма министра-председателя Временного правительства, отправленная циркулярно всем председателям губернских земских управ 5 марта 1917 г., прежде всего была направлена «на устроение порядка внутри страны и обеспечение безостановочной деятельности» всех правительственных и общественных учреждений. Создавая конструкцию местной администрации, Временное правительство требовало: «В губерниях, где было введено земское положение, обязанности губернаторов временно возложить на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование “губернские комиссары Временного правительства”». В уездах председателей уездных земских управ назначить уездными комиссарами» [6. Л. 3]. Налицо стремление приспособить к нуждам текущего момента старые общественные структуры. Комитеты, формировавшиеся на условиях представительства всех общественных сил революционной направленности, были опасны для новых российских демократов, особенно после вхождения в них советов рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде они уже ощутили их разнузданную силу. Общественные комитеты в губерниях на первых порах дальше демократических деклараций не шли и, провозглашая себя «защитниками нового строя», стремились «приспособить старые общественные и продовольственные учреждения задачам нового времени». Такой поток взаимных деклараций и заторможенность в конкретных делах характерны для всего периода формирования новой власти на местах в марте—апреле 1917 г. (см.: Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГА-СО). Ф. 813. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Национальный архив республики Татарстан (далее — НА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34; Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. 677. Оп. 1. Д. 6; Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 2; Государственный архив Саратовской области (далее —

ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870). Однако и в центре, и на местах понимали, что время деклараций и заявлений не может длиться вечно, за ним должно последовать время конкретных действий [7, с. 645].

Обстоятельства утверждения тех или иных лиц на постах губернских комиссаров подтверждают предположение о том, что подбор кадров для управления на местах из числа земских лидеров осуществлялся на основании предварительной тайной договоренности. Влияние масонов в Земгоре было очень распространено. Это создавало возможность через лидеров местного самоуправления реализовать заранее подготовленный в центре революционный сценарий по всей стране. Наиболее активные общественные деятели на местах, а может быть, и более посвященные, назначили губернских комиссаров еще до указаний центрального руководства. 4 марта 1917 г. председатель Самарской губернской земской управы кадет К.Н. Иньков был выдвинут Комитетом народной власти на должность Самарского губернского комиссара Временного правительства [8. Л. 4]. Впоследствии это назначение было утверждено Временным правительством. «Прямое попадание» при выборе временной местной власти доказывает предположение о наличии координирующего конспиративного центра по подготовке и осуществлению государственного переворота на всей территории России. И это были не революционные партии, подвергавшиеся преследованиям, а заговорщики, действовавшие тайно как до Февральского переворота 1917 г., так и после него. Тот же новый глава Самарской губернской администрации особой популярностью не пользовался и общественностью характеризовался так: «Губернский комиссар Иньков – человек безусловно старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал Комитет» [9, с. 49]. Тем не менее именно он оказался избранным еще до официального указания на должностное лицо, которому надлежало занять этот пост.

В Пензе 5 марта 1917 г., вечером, на заседании Бюро исполнительного Комитета был назначен губернский комиссар В.А. Герман. В этой должности он пробыл всего одну ночь, т. к. «6 марта по получении телеграммы князя Г.Е. Львова В.А. Германа освободили от обязанностей, а князя Л.Н. Кугушева, председателя губернской земской управы, назначили губернским комиссаром» [10. Д. 11. Л. 5]. Либеральная общественность и не помышляла встать на защиту своего выдвиженца. 5 марта 1917 г. Саратовский общественный губернский Комитет также возложил обязанности губернского комиссара на своего лидера народного социалиста Н.И. Семенова, что не соответствовало полученным на следующий день указаниям из центра. Саратовская общественность встала на защиту своего ставленника. Саратовский ОГИК не преминул заметить центральному руководству, что если оно хочет получить поддержку на местах, то «желательно, чтобы Временное правительство производило из центра назначения представителей новой власти в тех исключительных случаях и до того момента, пока в данной местности не сложились местные выборные общественные комитеты» [11, с. 90]. Председатель губернской земской управы К.Н. Grimm в данной ситуации почел за благо для себя отказаться от поста губернского комиссара. Временное правительство с самого начала не чувствовало себя достаточно уверенно. Находясь под бдительным присмотром Петросовета, оно не решалось диктовать свои условия местным революционным преобразователям. У него не было механизма для осуществления контроля за исполнением решений центрального руководства, ведь система управления страной только создавалась.

В тех губерниях, где общественно-политические силы были по тем или иным причинам недостаточно организованы и инициативны, назначение губернских комиссаров Временного правительства произошло в соответствии с указаниями из цен-

тра. 6 марта 1917 г. таким образом приступил к исполнению обязанностей Симбирский губернский комиссар Ф.А. Головинский, являвшийся председателем губернской земской Управы. Казанским губернским комиссаром первоначально был назначен крупный землевладелец В.В. Молоствов, т. к. недавно избранного председателем губернской земской Управы А.Н. Плотникова царское правительство не успело утвердить в должности. Он приступил к исполнению обязанностей губернского комиссара месяц спустя, после утверждения уже Временным правительством [12. Л. 3 об., 11].

Назначение уездных комиссаров губернские комиссары старались произвести в точном соответствии с указаниями Временного правительства. Однако им пришлось считаться с местными условиями. Конечно, в уездных городах не было такой конкуренции общественных сил, как в губернских. Земства здесь были более представительной, реструктурированной на всей территории уезда организацией, нежели городские думы. В то же время председатели уездных земских управ зачастую не устраивали местную либеральную общественность, т. к. олицетворяли собой старый строй, от которого все спешили избавиться. Губернские комиссары, следуя указаниям из центра, назначали председателей, иногда заместителей либо членов уездных земских управ уездными комиссарами Временного правительства. С конкретными инструкциями о реорганизации уездной администрации Временное правительство запаздывало. Назначенные по аналогии с губернскими уездные комиссары не имели в своем распоряжении никакого аппарата, а он был нужен для принятия мер в случае общественных беспорядков, возникавших то тут, то там при смене власти.

Земские управы, городские головы в телеграммах, адресованных в Петроград в первой половине марта 1917 г., не только приветствовали Временное правительство и сообщали о создании общественных комитетов, но и просили «срочно командировать войска для поддержания порядка» в той или иной местности. В ответ на это Министерство внутренних дел предлагало им «войти в общее соглашение с командующими войсками либо местной военной властью» [13. Д. 23. Л. 30]. Например, в г. Карсуне Симбирской губернии 6 марта 1917 г. участники митинга разгромили полицейское управление, а пытавшегося воспрепятствовать им полковника Столярова оглушили доской, выломанной в заборе, по голове [14, с. 7–8]. 13 марта 1917 г. Казанский уездный комиссар «спешно» просил Казанского губернского комиссара «прислать в уезд войска в связи с погромами лавок в Арске и опасностью таковых в уезде». В тот же день губернский комиссар обратился к командующему войсками Казанского военного округа с просьбой командировать в Арск воинскую часть «ввиду беспорядков». Расследуя эти события, начальник Казанской уездной милиции Нечаев объяснял, что «толпа татар, числом около 300 человек... произвела погром» из-за повышения цен на ржаную муку. Главными виновниками он назвал крестьян Ивана Яркова из Покровской слободы и Сабирзяна Массуддинова из деревни Ст. Хайван [15. Л. 4–7]. В этом эпизоде, как в зеркале, отразились взгляды и суждения представителей различных социальных слоев, вынесенных на гребень революционной волны в российской глубинке. Ответственный милицейский чин новой власти сам себе противоречит, по традиции обвиняя в беспорядках татар, во главе которых оказались два вожака: русский и татарин. Наверняка, среди погромщиков было и русских немало.

По-иному оценили данные события жители г. Арска в своем послании «члену Государственной Думы господину Чхеидзе», обвиняя представителей местной администрации в подстрекательских действиях во время погрома городских лавок. Они объявили себя сторонниками нового строя, но указали на недостатки его организации на местах, отметив, что «в городе же Арске и окрестностях его назначена вся старая преступная полиция, переименованная в уездную милицию, которая так ненавистна всему местному и окружающему населению». По их оценке, это «равносильно тому,

что если бы преступного и арестованного бывшего министра Протопопова оставили во главе нового правительства». Далее были приведены «несколько примеров с вескими доказательствами: <...> местный торговец М.П. Колесников во время разгрома и избиения продавцов <...> просил помочь закрыть двери лавки рядом стоящих милиционеров, бывших стражников Николая Евдокимова и Осипа Короля... на что они запротестовали». В другом случае, где погромщики получили отпор, тот же Король заявил: «хорошо бы было, если кого-нибудь убили». Авторы письма выразили недоверие также «Арскому исполнительному Комитету, в состав которого вошли большинство бывших союзников русского народа» [16. Л. 10]. Свидетельства непосредственных очевидцев событий противоречат утверждениям милицейского начальника, конечно, защищавшего своих подчиненных. Русские жители г. Арска указали на несостоятельность новой администрации, если она сформирована из слуг старого режима. В беспорядках они обвинили не «толпу татар», а бездеятельность милиционеров, не способных защитить своих граждан, как русских, так и татар.

Для организации нового порядка на местах, конечно, недостаточно было указать должностных лиц, председателей земских управ, которым передавалось управление. Губернские комиссары как могли пытались решать самые насущные проблемы переходного времени. Необходимо было где остановить, где предупредить возможные беспорядки при перемене власти. Так, вступивший в должность 6 марта 1917 г. Пензенский губернский комиссар князь Кугушев в тот же день председателей уездных земских управ назначил уездными комиссарами. В дальнейшем он рассылал им указания телеграммами:

— 7 марта с целью предотвращения погромов заводов, производящих спирт, обязал выделить воинские команды для охраны и «учредить специальную милицию из местного населения»;

— 8 марта определил прерогативы уездных комиссаров, которые «обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского уездного предводителя дворянства, кроме чисто сословного представительства...»;

— 9 марта попросил не обращаться к нему с просьбами о разрешении всяких земских и городских собраний [10. Д. 2. Л. 5–8].

К середине марта 1917 г. Временное правительство наконец обратило внимание на разноту в строительстве новой власти. 16 марта 1917 г. из Министерства внутренних дел поступило разъяснение о месте и роли комиссаров Временного правительства. В нем отмечалось, что «в одной и той же местности возникает ряд общественных комитетов различного наименования и состава, деятельность которых не всегда согласована... Временное правительство находит необходимым объединение существующих и вновь возникающих комитетов в губернские, уездные и волостные». Однако именно «губернские и уездные комиссары являются уполномоченными и исполнительными органами Временного правительства на местах» [10. Д. 2. Л. 28].

19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников. Признавая необходимость срочной разработки проекта о преобразовании органов местного управления и временного местного суда, пока оно возлагало обязанности земских начальников на уездных комиссаров [16]. В телеграммах на места разъяснялось, что «назначение новых лиц на должность уездных комиссаров, к которым переходят обязанности земских начальников, производится исключительно по представлению Губернского комиссара» [17. Л. 23]. С самого начала формирования новой власти центр стремился отсечь различные общественные организации от выполнения административно-управленческих функций.

Подбирая кадры на должности уездных комиссаров для представления их на утверждение в правительство, губернские комиссары были поставлены в сложное поло-

жение. Они ощущали на себе давление общественных комитетов, сами прошли через их утверждение или одобрение. В то же время правительственные инструкции недвусмысленно указывали на председателей уездных земских управ в качестве уездных комиссаров. На этой почве возникали конфликты, образовывавшие быстро расширяющиеся трещины между местной администрацией Временного правительства и общественными организациями. Не случайно спустя два-три месяца после назначения большинство комиссаров Временного правительства было смещено со своих постов и заменено более «демократическими» представителями.

Губернские комиссары, бывшие накануне Февральского переворота председателями губернских земских управ, сделали все от них зависящее, чтобы подобрать уездных комиссаров из земских деятелей. Самарский губернский комиссар К.Н. Иньков мотивировал свои действия тем, что «повсеместно инициатива исходила из уездных земских управ при активном участии земских служащих». Представленный в МВД в конце марта 1917 г. список лиц на должности уездных комиссаров по Самарской губернии был там изменен. Так, вместо избранного в Новоузенском уезде комиссара Трипольского утвердили председателя Новоузенской земской управы И.Я. Иванова. Не был утвержден в должности Самарский уездный комиссар А.М. Верховский, т. к. он не захотел совсем уходить из земства и остался членом управы. В Бузулукском уезде вместо рекомендованного общественным комитетом Е.А. Жданова правительство утвердило Н.Н. Бушева, бывшего секретаря земской управы. В апреле, когда утвержденный список уездных комиссаров пришел в губернию, эти изменения никого особенно не взволновали. На арену общественной жизни выступили новые организации — советы крестьянских депутатов, избранные на крестьянских съездах делегатами от сельских обществ.

В Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях в должностях уездных комиссаров были утверждены почти все председатели уездных земских управ. Губернские комиссары, сами бывшие ранее председателями губернских земских управ, назначили своей волей местных земских деятелей уездными комиссарами. За некоторыми исключениями они были утверждены в должностях Временным правительством [6. Л. 9–10 об.], но пробыли в них недолго. Например, в Пензенской губернии в апреле–мае 1917 г. сменились почти все уездные комиссары [10. Д. 2. Л. 95–95 об.]. Председатель Буинской земской управы помещик В.Л. Персиянинов, представленный Симбирским губернным комиссаром Ф.А. Головинским на должность уездного комиссара, «не пользовался уважением населения», о чем были направлены соответствующие приговоры сельских сходов и волостных собраний [13. Д. 676. Л. 11 об.]. Временное правительство не решилось утверждать его в должности, заменив ставленником уездного Комитета общественной безопасности А.С. Блиновым [6. Л. 11].

В Саратовской губернии комиссару Временного правительства удалось отстоять своего ставленника Н.И. Семенова. Поэтому при назначении здесь уездных комиссаров губернский комиссар больше считался с общественным мнением, а затем отстаивал его перед Временным правительством. Тем не менее общественность уездных городов предпочитала обращаться со своими инициативами напрямую в центр. Камышинский общественный исполнительный Комитет в телеграмме на имя М.В. Родзянко от 10 марта 1917 г. выразил недовольство деятельностью председателя Камышинской уездной управы Готовицкого, назначенного уездным комиссаром. Ссылаясь на глубокое недовольство местного населения, общественность требовала «для города Камышина и его уезда иметь выборного комиссара». Временное правительство под таким натиском вынуждено было утвердить Камышинским уездным комиссаром ставленника общественного исполнительного комитета Фадеева. Аналогичная ситуация сложилась в Вольском уезде Саратовской губернии. О председателе земской управы

Мошинском, также ставшим уездным комиссаром, крестьяне с возмущением писали, что он «бывший земский начальник и в 1905–1906 годах сулил нам два столба с перекладиной» [18, с. 117]. Таким образом, используя креатуры земского самоуправления при организации новой власти в стране, Временное правительство сразу же столкнулось с проблемой отторжения их большинством общественных сил на местах.

Институт губернских и уездных комиссаров, введенный временно для исполнения административных функций власти на местах, был раскритикован и современниками, и позднейшими исследователями потому, что он не в состоянии был противостоять революционному бунту в провинции. Но это проблема не формы, а содержания власти. Сама по себе необходимость организационно-управленческих структур на местах возникла непосредственно в ходе демократических преобразований. С этой функцией государственного и муниципального управления не могли справиться ни советы, ни общественные комитеты, созданные в ходе революции. Они были представительными органами и могли выражать общественное мнение, но не осуществлять управление. Главная ошибка Временного правительства заключалась не в том, что для организации власти на местах был введен институт губернских и уездных комиссаров, а в том, что оно указало не на тех лиц, коим надлежало олицетворять новый строй. Земские служащие, заслужившие почет и уважение своим трудом «на общие пользы и нужды», отнюдь не ассоциировались в народном сознании с фигурами председателей губернских и уездных земских управ, назначенных комиссарами Временного правительства на местах. В связи с этим с самого начала революции возникли коллизии между центром и провинцией.

Расстановка политических сил в России, сложившаяся в результате июльского 1917 года кризиса Временного правительства, привела к обострению борьбы за власть. Это не способствовало решению насущных экономических проблем общества, а политическую ситуацию делало крайне нестабильной. В стране активизировались правые и левые оппозиционные правительству силы. Массы испытывали все более острое чувство разочарования. Надежды получить от Временного правительства мир, землю и свободу обнаружили свою несостоятельность. В связи с этим увеличились проявления анархизма и стихийные экстремистские действия отчаявшихся людей: «голодные бунты» рабочих, неорганизованные солдатские выступления, крестьянские погромы имений и хуторов. Правительство пыталось одновременно сделать невозможное: навести порядок в стране и соблюсти демократические принципы управления.

Местные органы власти осенью 1917 года переживали кризис, обусловленный не только отсутствием широкой социальной поддержки, но и организационной неопределенностью. Всероссийский съезд губернских комиссаров, обсуждавший 4–9 августа 1917 г. вопрос об организации власти на местах, не принял согласованного решения о принципах государственного строительства. При обсуждении проекта «Положения о губернском и уездном управлении» выявились следующие точки зрения: 1) считать должность комиссара временной и излишней после избрания демократическим путем земств, городских и районных дум; 2) признать необходимым сохранение должности комиссара и после создания новых органов самоуправления. Обнаружились разногласия и по вопросу о конституировании должности комиссара: одни считали, что он должен избираться на местах, другие полагали возможным назначение его правительством. На съезде были оглашены также тезисы группы комиссаров-государственников. «Начало единой и сильной власти должно быть положено сверху. Необходимо, чтобы государственная власть в лице Временного правительства была бы национальна, едина и независима от каких-либо партий и классовых организаций», — требовали они [19. Л. 3–8]. Проект положения о комиссарах 18 августа 1917 г. был

представлен на обсуждение общего заседания Совещания по реформе местного самоуправления [20], а 19 сентября утвержден как закон. Он предусматривал возможность назначения губернских и уездных комиссаров по соглашению с «соответствующими комитетами общественных организаций» и предлагал им «действовать в единстве при разрешении общих вопросов местного управления» [16. № 264, ст. 1749]. Это постановление никак не могло стабилизировать обстановку на местах, поскольку влияние не только комиссаров, но и общественных исполнительных комитетов осенью 1917 года резко упало. Выработанная ими согласовательная система решения сложных вопросов местной жизни требовала длительного времени, а кредит доверия революционных сил был исчерпан.

Революция создала условия для развития государственного формотворчества. Лозунг большевиков «Вся власть Советам» получил реальный шанс для претворения в жизнь, так как все конструкции Временного правительства по организации управления переживали кризис. То обстоятельство, что советы, избиравшиеся отдельно от рабочих, солдат и крестьян, не являлись образцом демократии, не смущало борцов за государство-коммуну. В народном сознании советы в большей степени отвечали принципам традиционного демократизма, нежели формы западного парламентаризма.

В обстановке бездействия административных структур Временного правительства по преодолению кризиса местные общественные объединения и органы самоуправления пытались скоординировать усилия для противостояния большевистскому экстремизму. Однако, раздираемые партийно-фракционной борьбой, они не смогли принять согласованных решений по актуальным вопросам «текущего момента». Главным, дестабилизирующим обстановку в губерниях Поволжья фактором по-прежнему продолжало оставаться крестьянское движение, но на позиции политических сил в борьбе за власть оно влияло опосредованно. В губернских городах, где находились штабы всех политических партий и общественных организаций, действовавших на местах, были созданы специальные органы для оказания поддержки власти Временного правительства.

На муниципальных выборах в городах Поволжья наряду с общероссийскими политическими партиями были представлены еврейские и мусульманские общественные объединения. Они имели свой электорат и пропорционально числу поданных голосов получали по несколько мест в думах. Во всех губернских городах было представлено по 2–3 списка еврейских организаций, что распыляло их электорат, и не все они получали достаточно голосов для представительства в думах. Однако в списках всех крупных политических партий евреи составили до 1/4 кандидатов. Члены мусульманских организаций были представлены на выборах во всех губернских городах региона, за исключением Саратова, и были избраны в думы пропорционально поданным голосам. В уездных городах регистрировались общественные группы беспартийных граждан, списки которых получали достаточно для влияния количество голосов на выборах в думы. При выборах волостных земств избирательные списки формировались преимущественно от сельских обществ.

Учредительное собрание, объявленное в начале революции «хозяином земли русской», должно было выступить легитимным верховным органом, определяющим основные формы социально-экономического и политического строя. В процессе подготовки Учредительного собрания была разработана и утверждена пропорциональная система представительства по партийным спискам на основе всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. Она была опробована на выборах в городское и земское самоуправление и продемонстрировала, несмотря на определенный абсентеизм части рабочих и крестьян, политические симпатии большинства населения.

В Поволжье социалисты-революционеры получили большинство в избранных демократическим путем думах и земствах.

Установление советской власти в губернских центрах Поволжья осуществлялось большевиками в зависимости от расстановки общественно-политических сил в них и возможности привлечения на свою сторону радикальных и нейтрализации умеренных социалистов. Осенью 1917 года у большевиков Поволжья потенциально существовала достаточная социальная база не только для взятия, но и для удержания власти, но она была большей частью организована другими политическими партиями в советах и комитетах. Добиться большинства в советах рабочих и солдатских депутатов ко времени Октябрьского восстания в Петрограде им удалось лишь в трех из пяти центров исследуемого региона. В Казани, Самаре и Саратове советская власть была провозглашена вслед за Петроградом. В Казани и Саратове, действуя от имени Советов, большевики опирались прежде всего на воинские части местных гарнизонов. В Самаре им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды, что позволило не привлекать склонных к погромным действиям солдат.

В Казани дифференциация политических сил значительно усиливалась влиянием национального фактора, который со всей очевидностью проявился на выборах в Думу, проходивших за две недели до Октябрьского восстания. Естественно, такая Дума не могла организовать сопротивление Совету рабочих и солдатских депутатов, объединившемуся с левозерновским Советом крестьянских депутатов. Национальные партии и организации социалистической ориентации в Казани численно и организационно значительно превосходили буржуазно-национальные силы. К тому же социальные противоречия были ведущей линией конфликта, что позволило большевикам создать интернациональный блок для захвата власти.

Силы, способные отстаивать советскую власть, в таких губернских центрах, как Симбирск, Пенза, к осени 1917 года и вовсе не сложились. Лишь общероссийская конъюнктура позволила большевикам сформировать здесь спустя полтора–два месяца такие составы Советов рабочих и солдатских депутатов, которые хотя бы не отказывались от провозглашения советской власти. В любом случае главной причиной победы советской власти были социальные ожидания рабочих, солдат и крестьян, которые большевики умело поддерживали. При этом необходимо отметить их лучшую организованность и гибкую тактику применительно к конкретным условиям общественно-политической ситуации, сложившейся на местах.

Анализируя способы и методы формирования властных структур в ходе революционного процесса 1917 года, отметим его особенности в Поволжье. После падения самодержавия в регионе произошло объединение всех революционно-демократических сил через общественные исполнительные комитеты. Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, представлявшие интересы «революционных потоков», вошли в их состав. Следовательно, двоевластия в Поволжье ни на губернском, ни на уездном, а тем более сельском уровне не было. Социально-политическая дифференциация населения Поволжья наглядно проявилась в ходе трех избирательных кампаний 1917 года: в городские думы, волостные земства, Учредительное собрание. Рабочие, солдаты, крестьяне выдвигали конфискационные требования и поддерживали леворадикальные силы. С развитием революции существенно сузилась социальная база умеренно-социалистических партий и организаций.

Библиографический список

1. Кабытова Н.Н. Компетенция Министерства Внутренних дел Временного правительства в местном управлении (1917) // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы России. СПб., 2004. Ч. 1.
2. Шульгин В.В. Дни. 1920: записки. М., 1989.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 9.
4. Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924.
5. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676.
7. Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996.
8. ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 21.
9. Климушкин П.Д. История Комитета Народной власти второго периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918.
10. ГАПО. Ф. 206. Оп. 1.
11. Васькин В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976.
12. ГА РФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 676.
13. ГАУО. Ф. 677. Оп. 2.
14. Точеный Д.С. Симбирск. Октябрь 1917. Саратов, 1987.
15. НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34.
16. Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917.
17. ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5.
18. Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994.
19. ЦГАСО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5.
20. Вестник Временного правительства. 1917. 8 сентября.

N.N. Kabytova*

SOCIAL AND POLITICAL DIFFERENTIATION OF POPULATION OF THE VOLGA REGION IN 1917

In the article social and political differentiation of the population of the Volga region, shown in the election campaigns of 1917 is presented; social and economic requirements of workers, soldiers, peasants are revealed; ways of influence of society on power in revolution are analysed.

Key words: social structure of population; economic requirements of workers, soldiers, peasants; polarization of social and political forces.

---

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (kabpetr@samsu.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.